

Екатерина ПОЛЬГУЕВА

Осенняя неприбранность Москвы,
Отчаявшейся, сумрачной и мглистой.
Зарылись в шорох преющей листвы
Гудки и звоны, выкрики и свисты.

Сквозь мокрые пространства мостовых
Под взглядами окон прозрачно-льדיстых
Бреду, не поднимая головы...
Прохожие, попутчики, туристы, -

Чужие в страшном городе своём,
Который никакой страны столица.
Здесь, что ни шаг, - то нищий под дождем,

То жуткие раскормленные лица.
Что предадим ещё, чью кровь прольём.
Каким богам сподобимся молиться?

1993, октябрь

Не курточка, а рыцарский наряд,
Но нет меча, лишь кулаки немеют.
Смотрю в себя на триста лет назад
И чувствую, что отступить не смею.

Всё кончилось, но что-то началось.
История, которую спугнули,
Легко играет нами вкривь и вкось,
Позвякивая автоматной пулей.

Наряд не по плечу. Но кем-то сшит
Он для меня, и не сыскать иного...
Я больше не хочу стихов чужих
В предчувствии единственного слова...

1993, октябрь

Как много страшных и жующих,
Живущих цепко и в разброд,
Прозящих, но не подающих,
Укрывшихся за разворот

Газеты рябоватой масти,
Где суть всего: соврать - соври.
Перегорают наши страсти,
Как уличные фонари.

И ничего уже не жалко,
Семь бед - на всё один ответ:
Сей город, превращенный в свалку
Эпох трагедий и побед.

И ничего уже не нужно -
Спрячь совесть под глухой засов.
Но эти каменные души
Соборов, горечь голосов
Колоколов...

1993, ноябрь

И бывшее покажется небывшим,
Как бред полуночный, как наважденье снов.
Сквозь белизну снегов проступит кровь,
Но этот страшный стон уже не слышен.

Морока памяти - пустое бытие,
В котором только мертвый - настоящий,
А не живой, себя не находящий,
Запаявший прошлое свое.

Убитый - ты или лежащий рядом?..
О этот ужас, стиснутый в груди!
А губы шепчут "Господи, прости"..
Лицом в асфальт (и пыльный вкус асфальта).

Ты встанешь, самому себе чужой,
И побежишь в отчаянном азарте,
Оставив на обветренном асфальте
Все двадцать лет, прожитые тобой
до этого...

1994, февраль

4 ОКТЯБРЯ

Это станет абзацем ещё не написанных книг.
Ты, родившийся позже, не слышавший смертного стога,
Всё прочтешь и изучишь, грядущих времен ученик,
И получишь отметку, как некогда мы за Гапона

И убитых людей, и "бездарные действия царя", -
Слишком бойко твердили, не ведая грозного смысла.
Но прогневался Бог, и кровавая тень октября
За беспамятство наше опять над Россией нависла.

Что ты сможешь понять, не вдыхавший клубящийся дым
Этой страшной беды, когда бойню назвали "победой"?!
Нет, не надо в учебник, как лупят свои по своим,-
Непомерно высокая плата для школьных ответов!

И абзаца не нужно! Из грубой нелепицы слов
Пусть запомнятся лишь имена убиенных мальчишек:
Дима Обух и Костя Калинин, и Юра Песков...
Сколько их! Не забудь ни одно, чтоб Господь вас услышал.

Кто остался в живых, нацарапал углём "отомстим"
У Горбатого моста, где памятник, на пьедестале.
Мы из этих, которые пеплом чуть было не стали,
И поэтому ненависть нашу нестрога суди...

Твой несложен урок, - не придется зубрить наизусть.
В книге только пять строчек (для памяти хватит и песни):
Не пойдешь в палачи - не окрасится Красная Пресня
Цветом крови. Не будешь предателем, выстоит Русь!

21.09.94

ОКТЯБРЬ

Осень, смерть - твоё ремесло.
Клёна свечечка в изголовье.
Снова улицы занесло
Ночью листьями цвета крови.

Разорён в одночасье дом,
Запах дыма, как на пожарище.
Город - сумрачный Вавилон,
Многоликий, непонимающий.

Осень, смерть - твоё ремесло,
Неизбежное и неправое.
Оттого торжествует зло,
Оттого и следы кровавые.

И не спрятаться, хоть беги,
Коль охота идёт за душами.
Но отчаянью вопреки
Клёна свечечка не потушена.

1994, октябрь

Подросток на пустынной мостовой...
Раскрытые глаза не видят света.
Листву колышет дуновеньем ветра,
И лишь она здесь кажется живой.

Подросток на пустынной мостовой...
Мальчишеские ломкие запястья.
И призраки несбывшегося счастья
Кружатся над оборванной судьбой.

Подросток на пустынной мостовой...
Сведенные в предсмертной муке брови.
Опять возжаждал дьявол тёплой крови
И мальчиков толкнул в неравный бой.

Подросток на пустынной мостовой...
Упавший в ржавь листвы осенней, навзничь,
Убитый воин - беззащитный мальчик,
Пытавшийся весь мир прикрыть собой.

1994, ноябрь

Пересиливший страх
И шагнувший в ночную Москву,

Как в разверстую пасть,
Что дышала свинцово и тяжело,-
Для того, чтобы кровью
Его пропиталась рубашка
Перед тем, как падет
На сырую от крови траву.

О, романтика подвига -
Поиски юной души,
Мотыльком на свечу
К ней стремятся вчерашние дети.
Только правда - не правда,
Пока не оплачена смертью.
И в безжалостном небе
Восход равнодушный дрожит.

Комом в горле - зачем?
Он уже без него, этот день.
А живые забудут,
Поскольку живые и сыты.
Может, это не мертвые,-
Может, живые убиты?..
Потому и не мучатся памятью,
Беглой, как тень...

Но настанет октябрь,
Хлынут листья из вспоротых жил
Облетевших деревьев,
И с гарью смешается ветер.
Пересиливший страх
Ничего больше не совершил,
Откупив нашу совесть
Ценой своей жизни и смерти.

5.09.95

Вытри слезы. Не плачь. Не поможет.
Бьется первый непрочный снежок.
Только память бессонная гложет,
Только память болит, как ожог.

Не ко времени этот осенний
Снег, что утром растает зазря.
Век назад появился Есенин
В эти синие дни октября.

Листья падают, будто подранки,
 Брезжат искрами в черной воде.
 Неужели снаряды и танки
 Прижимали к асфальту людей?

А поэт ни за что не в ответе,
 Но в стихах его тихая грусть,-
 Столько горя за это столетье
 Приняла им воспетая Русь.

Сыплет снег на пожухлые травы,
 Укрывает следы наших битв,
 И смеётся мальчишка кудрявый,
 Не поверивший в то, что убит.

1.10.95

За каждую строчку положена плата,
 Ну, может, не плата, а малая платка.
 Кому-то в бою уготованы латы,
 А мне на одежде изношенной латка.

Бессонница мучит, но если соснется,
 Приснятся мне мальчики - те, что убиты...
 Они обитают у самого Солнца,
 А я-то считала, что в землю зарыты.

30.12.97

БАЛЛАДА О МЛАДШИХ БРАТЬЯХ

(ДЕВЯТАЯ ОСЕНЬ)

Им было тогда по восемь,
 И мир на последней грани,
 Когда догорала осень
 Пожаром усобной брани.
 Бессмысленные усилья,
 Непрочны воспоминанья...
 Как жадно зрачки ловили

Холодной листвы мерцанье!
О, сладкое тленье смерти,
В котором леса тонули!..
Но выросли нынче дети
И тоже пошли под пули.
Отчаянье ли, проклятье,-
Нет юности без отваги!
И младшие наши братья
С асфальта подняли флаги.
Кривитесь: мол, это глупо -
Соперничать с ураганом,
Но в кровь закусил губы
В предчувствии новой раны
Мы - те, что покуда живы,
Творцы миров и истории.
А коли преданья лживы,
Так это не ваше горе!
Девятая осень после
Расстрелянной веры нашей.
Им было тогда по восемь,
Теперь они мертвых старше...

20.09.02

Москва забыла - это ей не сложно,
Ей безразличны даже те, что живы...
Так яростно твердим о целях ложных
И проклинаям всласть пророков лживых!

И вороньё хохочет над крестами,
И черный дым у куполов клубится.
Уж столько раз меняли нас местами,
Что не поймешь, где жертвы, где убийцы...

А всё печемся о вселенском благе
С отчаянья или с усмешкой желчной...
И только листья рвутся, словно флаги
Багряные. И будут рваться вечно...

4.10.02

ВЕСНА

Я вспоминаю ту страну,

Которой больше нет,
Неугомонную весну,
Огромный белый свет

И красный радостный трамвай,
Звон, скрежет, медь трубы,
И подступивший Первомай,
И пестрый бег толпы.

Мой друг, избегнув школьных пут,
В два пальца нам свистит.
И транспарант про мир и труд
Над улицей летит.

Змеится синий сквознячок
По крашеной стене.
Мой кружевной воротничок
Так не подходит мне.

И самолётики снуют,
Смеша четвертый класс.
Я кончик галстука жую,
Сбиваясь с ритма фраз.

Что в сочиненьях ни пиши -
Получится не так!
Такой весной разброд души
И в мыслях кавардак...

На грех распахнуто окно
В грехи любви чужой...
Все подвиги давным-давно
Совершены не мной,

Не нами! Путаем слова,
Выдумываем бред.
А мимо нас бредет Москва
Вдали от наших бед.

Всё интересное - до нас,
А нам лишь рабство парт!..
Еще слезоточивый газ
Не вплёлся в аромат

Набухших веток и весны,
В дрожащую листву...
И героические сны
Нам снятся наяву.

Как алый парус бьётся флаг
Над пеной облаков.
Всё так незыблемо и так
Понятно и легко...

Хватаю сумку и бегу
В мир звуков и огней.
Я для тебя поберегу
Надёжность этих дней.

Сумею звонкий май продлить
До самого конца.
Еще никто не смог отлить
Той пули из свинца.

Еще всё лето впереди,
Вся юность, вся любовь,
И ты пока не бери
Осенних листьев кровь.

Салюта жаркая заря
Над громом площадей...
Нам дела нет до октября
И будущих смертей!

Без сожалений и забот
Спешит трамвай, трубя...
А рядом подрастает тот,
Кто выстрелит в тебя.

И корабли его плывут,
А он за ними - в брод.
Он также смотрит на салют
И также лета ждет.

Его перед диктантом жжёт
Такой же черный страх,
Он ходит в шахматный кружок
На Ленинских горах,

Где льются песенки ветров
Над крышами Москвы.
Однажды ехали в метро
В одном вагоне вы.

Друг друга не узнали, но
Поймал ты быстрый взгляд.

Вы оба любите кино
Про "красных дьяволят"

И Штирлица, играть в войну
И свой четвёртый класс,
Вы любите свою страну,
Как научили вас.

А за предательство и ложь
Вы лупите врагов.
Вам нравится лихой Гаврош
Из книжицы Гюго.

О, как спасти его?
Вот-вот ему не хватит сил!
Но девяносто третий год
Пока не наступил.

Ещё огромных десять лет
На солнечной земле,
Пронзительный янтарный свет,
Лесок в зелёной мгле...

И кто же знает, чья вина
За горе и разор?
У каждого своя война,
Свой подвиг, свой позор.

... Он щурит глаз, в прицел взглянув,
Тихонько шепчет "пли!"
И убивает ту весну
И в лужах корабли.

30.01.01

Тогда я была двадцатилетней и, видимо, потому наивной, прекраснодушной и бесстрашной. В двадцать лет кажется, что ничего плохого с тобой не случится, и даже в самых страшных событиях ищешь и находишь приключения. Разбирала недавно дневники и записи десятилетней давности, обрывочные и неполные - не до записей было. Странно читать и вспоминать о тех временах, будто не со мной случилось. И все-таки со мной...

1 октября 1993. Познакомилась с Таней и Славиком. Пытаемся пробраться к Дому Советов через территорию красного кирпичного здания. Перелезаем через забор, Славик напарывается на колючую

проволоку - она подлая такая, в траве почти не заметна... Нам открывает калитку некий хмырь и спрашивает по-английски, кто мы и что здесь делаем. Возмущенные "международным вмешательством во внутренние дела" мы не удостоиваем иностранца ответом.

Потом прячемся в кустах от ооновского патруля. Славик шепчет: если спросят, что тут делаем, скажем, мы молодые, что хотим в кустах, то и делаем. Добираемся до самой мэрии, слушаем оглушительный ор эстрадных песен из милицейской машины... Потом нас обнаруживают и выпирают из "запретной зоны", вежливо так, без мордобоя. Не то, что несколько дней назад. Тогда было люто.

Темнота, сентябрьский снег, строй солдат марширует мимо, все в касках, плащ-палатках, с автоматами. "Как в сорок первом",- выдыхает с ужасом и каким-то смертным восторгом пожилой мужчина...

После я узнаю, что красное кирпичное здание - американское посольство, а машину с орущей музыкальной установкой защитники Белого Дома называли "желтым геббельсом".

2 октября 1993, Смоленская площадь, уже после столкновений знакомлюсь с двумя пацанами, Сережкой и Егором. Обоим по десять лет, учатся в пятом классе, живут неподалеку. Сережка просто прибежал посмотреть, ему всё интересно. Он и к самому Белому Дому вчера прошел, наврал милиционерам из оцепления, что живет в соседнем доме. У Егора есть свой взгляд на происходящее. Он страстно и по-детски объясняет мне, что там, в Белом Доме "наше правительство, а Ельцин хочет всех арестовать и убить". А потом пишет концом обугленной палки на доске "ОМОН, уходи". Уже не знаю, что делать с этими мальчишками, не бросишь же: мало ли, что будет дальше, но тут прибегает вконец испуганная бабушка одного из них и уводит обоих. Уходя, Сережка оборачивается и спрашивает: "Как вы думаете, а в понедельник уроки не отменяют? А то у нас диктант..." Ну, да, конечно, мальчишки любят играть в войну и не любят писать диктанты. В понедельник, 4 октября, война по Москве прогремит не игрушечная...

Но будет еще и воскресенье, 3 октября, солнечное, ясное и тихое поначалу.

Я собираюсь на Октябрьскую площадь. "Может, не пойдешь?" - спрашивает мама. "Пойду", - я оборачиваюсь на измайловский лес. Очень синее небо, янтарная прозрачная березовая листва. Я еще не знаю, что это - прощание. Больше в той жизни "до" ничего хорошего не будет, только страшное.

По толпе стреляют из мэрии. Все кругом падают, я стою, потому что не понимаю, что стреляют. Выстрелы такие тихие - в кино намного

громче, да и вообще не может этого быть, чтоб по своим стреляли. "Дура, падай!"- кричит какой-то мужик. И тут приходит осознание происходящего вместе с диким, почти паническим ужасом. Мысли и ощущения еще путаются: жалко новые брюки и куртку, что-то выпадает из карманов, асфальт царапает щеку., но поверх всего: "Господи, не хочу умирать, не хочу!" О, в ближайшие часы много чего произойдет: прорыв к Дому Советов, азарт борьбы, радость короткой победы, катастрофа Останкина. Но прежней жизни, где синее небо и золотой лес, где мальчишки больше всего боятся диктантов, и где даже после двух недель стычек и избиений верилось, что свои не станут стрелять по своим - этой жизни уже не будет. Потому что уже стреляли, и сколько еще раз будут стрелять! Не станет той жизни, а значит, и той меня.

Так, для живых начнется новая жизнь, в которой еще долго будет бросать в дрожь от цифр 3-4, написанных через черточку, а стрельба и взрывы постепенно станут обыденностью. А тогда для меня, выжившей, начались полтора месяца пустоты. Газеты (те, что можно читать) не выходят, радио и телевизор я не включаю сама. В один из дней конца октября рассказываю малышам-младшеклассникам, почему меняются времена года и время суток. Вечер, за окном коричневые сумерки, коричневые усохшие листья. Один из мальчиков спрашивает: "А что будет, если Земля остановится? Ну, не станет вращаться ни вокруг Солнца, ни вокруг своей оси?" "В таком случае навсегда останется вечер конца октября 1993. Понимаете, не будет ни ночи, ни следующего утра. Ни зимы, ни весны, ни лета. Всегда вот так." И вдруг я понимаю, что так оно и есть. Земля остановилась. Время тоже. Смотрим в унылую законную коричневищу. Ребята зябко передергивают плечами : "б-р-р, не хочется, чтобы всегда так, пусть лучше вертится".

И потихоньку она начинает вертеться. Выходит "Советская Россия", "Правда", "День" под чужими логотипами. И панихида, на сороковой день... Я, неверующая, иду туда. Впервые иду к Белому Дому за все долгие сорок дней нежизни. На "Баррикадной" глаза вылавливают в толпе своих. Вот старик с единственной гвоздичкой в руке, вот подросток лет шестнадцати со скрученной в трубочку "Правдой". Вот группа молчаливых молодых мужчин...

Уже в январе 1994 после трех месяцев перерыва я написала в своем дневнике: "Возвращаюсь. Возвращаюсь. Возвращаюсь ли? Скорее начинаю заново, ибо прежняя моя жизнь закончилась 3 октября 1993. После этого были стихи... И больше ни-че-го." А стихи действительно были. Много. Будто пыталась доказать самой себе, что жива, и зафиксировать свою прошлую ушедшую жизнь, чтобы не исчезла совсем.

Трудно писать о том Октябре и не сбиться на патетику или сентиментальность. Порой и сбивалась, даже когда возвращалась к теме много позже. Сегодня можно было бы и изменить кое-какие строки и слова. Но... нельзя. Потому что стихи тоже стали документом эпохи, как и сохраненные мной с тех времён газеты и листовки.

Эти "октябрьские" стихи за прошедшие десять лет в память о тех, чья земная жизнь закончилась 3-4 октября 1993 года. Я не примазываюсь к их жертве и подвигу. Я понимаю, что они - там, а мы - здесь. И в этом всегда есть неизбежная вина выживших. Но по какому-то внутреннему праву я взяла себе погибших в братья. И тех, до кого "доросла" за эти десять лет, и своих тогдашних ровесников, до которых теперь доросли мои знакомцы со Смоленки - Егор и Серёжка. Надеюсь, что доросли, не сгинув ни в терактах, ни во второй чеченской, ни в бандитских разборках.

Господи, сколько же их ещё будет, "навек двадцатилетних"? И когда же остановится это кровавое колесо, перемалывающее жизни и судьбы? Кто его остановит?

Екатерина Польшуева

сентябрь 2003